

Сентябрь был довольно хлопотный, подготовка к выборам президента студсовета, ротация состава дисциплинарного комитета, в общем рутина. В итоге даже по прошествии недели Тацуя не смог найти достаточно времени на то, чтобы предпринять ещё одну попытку пообщаться с братом. Ведь ранее он убедился, что время там и тут разнится, ему казалось, что его не было всего несколько минут, а в реальности прошло почти четыре часа. Это накладывало ограничение, можно, конечно, попробовать отказаться от сна, но Поттер не советовал подобного, так как неизвестно, в каком состоянии будет Тацуя после восстановления связи. Ведь как бы то ни было, а тело у них одно и у него есть предел выносливости.

Голосование, как ни странно, прошло без эксцессов, и на утро в информационной сети школы появились итоги. Новым президентом школьного совета стала Азуса. «И чего только не сделаешь ради предсерийного образца устройства полёта», — думала Азуса, отвечая на приветствия. Уже несколько позже она поняла, что со стороны Тацуи это было жестоко, но эффективно, ведь стоило ему обещать ей это устройство, как она уже была согласна быть президентом студсовета. «Сама виновата», — напомнила себе Азуса, подавляя тяжёлый вздох.

Тем же вечером Тацуя вот уже в третий раз за последнюю неделю попытался отыскать способ поговорить с братишкой, но, как и в предыдущие разы, застрял на серой мгле, как он окрестил стену из тумана и холода, которая, как предполагал Поттер, являлась ментальным щитом малыша, а значит брать препятствие с нахрапа не стоит, ибо можно сделать всё ещё хуже. Безрезультатно потоптавшись у края мглы, Тацуя опустился на голую пустынную наскольکو глаз хватало землю и тяжело привалился к стене. О том, что этой стены не было ещё секунду назад, он как-то не задумался, погружённый в свои невесёлые думы. «Где же ты, братик? Неужели совсем не слышишь? Я очень скучаю по тебе и нашим играм, помнишь, мы вместе качались на качелях, ты так радовался и просил раскатать повыше! — то ли в голос, то ли мысленно спрашивал Тацуя у пустоты. — Я бы многое отдал, чтобы вернуться на ту детскую площадку, где мы играли! — в сердцах Тацуя саданул по земле кулаком. — Хочу вернуть те дни, когда я считал тебя воображаемым другом, и мы играли. Знаешь, после того как ты ушёл, осталась только пустота и боль, но я всё пережил, и я всё ещё здесь».

Уже собравшись уходить Тацуя открыл глаза. К вящему удивлению безкрайняя пустота и мгла исчезли, сменившись пейзажем постапокалиптической направленности. Теперь Тацуя стоял на краю развороченной детской площадки. Все сооружения были покорёжены и покрыты ржавчиной, но это была та самая детская площадка. Как и когда-то давно она располагалась недалеко от улицы с однотипными домами, но если раньше тут цвела сакура и светило яркое солнце, то теперь всё было разрушено, а небо имело пыльно-серый цвет и не пропускало ни лучика света, создавая багровые тени. В полумраке отчётливо скрипел наполовину сломанный фонарь, а ветер — он то появлялся, то исчезал, поднимая тучи пыли, перемешанной с пеплом.

— Казуки, ни-тян, ты слышишь? Отзовись! — переполненным отчаяния и невысказанной годами боли голосом позвал Тацуя, но ответом ему был лишь ещё один порыв ветра и жалобный скрип фонаря. Потребовалось минут пять, чтобы взять себя в руки, но Тацуя решил пойти по улице в надежде, что найдёт хоть какие-то следы брата.

Так он медленно шёл по улице с полуразрушенными домами, прислушиваясь к каждому шороху. Сколько прошло времени понять не получалось, здесь вообще понятие времени было каким-то своим. Багрово-серые небеса словно застыли и лишь ветер был единственным, что было живым в этом разрушенном месте. Идя вверх по улице, Тацуя вспоминал, как они бежали здесь с братом среди придомовых палисадников и играли в прятки. Тогда здесь было очень красиво. Дойдя практически до конца улицы Тацуя замер у почти разрушенного дома. Второй этаж почти обвалился и держался на чудом уцелевших несущих стенах, дверной проём засыпало как при взрыве. Абсолютно безсознательно Тацуя начал руками разбирать

заваленный вход, когда услышал детский всхлип, донёсшийся откуда-то из глубины полуразрушенного строения. Более думать связно Тацуя не мог, сознание затопила единственная мысль: разобрать завал и во что бы то ни стало добраться...

Не зная усталости Тацуя ворочал обломки, использовать магию он и не думал. Наконец заваленный вход был расчищен настолько, что через него можно было пробраться в уцелевшую часть дома. Тацуя максимально осторожно пробрался внутрь и начал осматриваться. Внутри всё выглядело так, будто тут взорвали несколько фугасных зарядов. Умом парень понимал, что если и есть смысл что-либо искать, то только в уцелевшей части дома, там, где осталась чудом необвалившаяся часть второго этажа. Лестница была разворочена, но это не стало препятствием, и через пару минут Тацуя был в уцелевшей части второго этажа, хотя уцелевшей её можно было назвать с большой натяжкой. Истлевшая крыша, ветхие стены, всё шатается и грозит обрушением в любой момент.

Замерев, Тацуя вслушался, плача больше не было слышно и лишь звук на грани слышимости, словно кто-то что-то тащит, появился и тут же стих, но его источник точно был где-то у стыка несущих стен, и Тацуя направился туда. Единственная уцелевшая комната второго этажа была пыльной и на первый взгляд пустой. Только приглядевшись, Тацуя сумел различить маленькую, сжавшуюся в углу фигурку. Малыш подобрал к себе ножки и, обхватив их руками, сидел, повесив голову, от него отчётливо тянуло безысходностью.

— Они-тян?! — малыш сжался в комочек и закрыл уши руками. Тацуя в растерянности смотрел на напуганного малыша. В сознании была только одна мысль — брата надо забрать из этого грозящего вот-вот обрушиться здания. Так что Тацуя больше не колебался: в несколько шагов преодолев разделавшее их расстояние, он подхватил хрупкую чумазую фигурку на руки и бегом рванул из начавшего угрожающе шататься дома. Он едва успел покинуть развалины, как те окончательно сложились, оставляя лишь клубы пыли. Малыш тихо дрожал, беззвучно плача.

Тацуя прижал его к себе покрепче и пошёл в сторону разрушенной детской площадки. Когда они оказались на месте, Тацуя огляделся, взгляд зацепился за не иначе как чудом уцелевшую лавку. Убедившись в прочности конструкции, Тацуя аккуратно посадил на неё брата, тот тут же сжался в комочек.

— Они-тян, всё хорошо, не плачь.

— Ты пришёл меня убить? — прошептал малыш. От такого Тацуя опешил. «Почему брат думает, что я его убивать пришёл?»

— От тебя пахнет смертью, как от той, что разрушила наш с братиком дом. — Тацуя мог лишь ошалело моргать.

— Они-тян, это я твой брат, помнишь мы играли здесь до того, как...как... — договорить Тацуя не смог и тяжело сглотнул, видеть малыша таким было ужасно. Сбитые в кровь коленки, одежда порвана и вся грязная, безпризорник из страны четвёртого мира, не иначе. Пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

— Мне пришлось многое пережить, с тех пор как мы крайний раз играли здесь и да, мне пришлось нести смерть. Помнишь, как ты плакал, когда они заставили меня убить щенка? — малыш шмыгнул носом.

— Они-тян, не плачь, ты же знаешь, как я не люблю, когда ты плачешь.

— Это правда ты?

— Да, они-тян, я просто вырос с нашей крайней встречи, а ещё узнал, что у нас есть сестрёнка, знаешь? она хорошая. Я бы хотел, чтобы мы все поиграли вместе.

Малыш робко поднял голову и в его глазах промелькнуло узнавание.

—Они-сан, — зарыдал малыш в голос.

Тацуя снова подхватил его на руки. Сколько времени прошло, прежде чем малыш успокоился и вперемешку со слезами рассказал, что произошло, Тацуя не знал. Со слов Казуки получалось, что все эти разрушения устроила их мать, и прятался малыш именно от неё. Она загнала его в тот дом и попыталась взорвать строение, но то обрушилось не полностью, но больше она не приходила, а сам малыш не знает о том, как давно это было, для него они недавно играли, а потом было очень страшно, и сколько он ни звал, брат не приходил.

— Теперь всё хорошо, я пришёл, прости, что так долго, они следили, чтобы я не мог прийти к тебе. — Малыш с пониманием дела кивнул. То, что братик не может часто играть, он знал, так как есть плохие, они заставляют брата делать плохие вещи, а если он отказывается, то жестоко наказывают.

Тацуя огляделся по сторонам, оставить братика в такой разрухе было невыносимо, но куда пойти и что сделать... Ведь план был для начала найти, о том, что будет вот так, Тацуя и представить не мог. «А чего ты хотел? Ну и что, что Гарри думал, что это мост. Разве не ты сам забыл об этой детской площадке и друге, с которым играл? Эта детская площадка и есть наш мост, это наше неизменное место встречи. Но вот что теперь делать?» — невесело подумал Тацуя.

— Она сломала наши качели, — отвлёк от размышлений грустный голос брата. — Почини их, ты же можешь, как забор тогда, помнишь? — Тацуя удивлённо моргнул, память услужливо вернула картинку с тем, как играя, они случайно сломали забор у одного из домов и как он починил его, применив магию.

— Хорошо, я попробую починить наши качели, — ответил Тацуя и сосредоточился на образе тех прежних качелей. Когда он открыл глаза, малыш уже тянул его к абсолютно новым и таким неестественным в этом мире качелям. Сопя от усердия, малыш забрался на сиденье, и Тацуя, как в детстве, начал его раскачивать. Теперь это давалось куда как проще. Не прошло и двух минут, как малыш забыл обо всех бедах и весело смеялся, словно нет никаких разрушений. Затем сдвинулся к самому краю и закричал:

— Поймай меня!

Тацуя скорее на рефлекс, чем осознанно, выставил руки, наблюдая, как в самой высокой точке малыш оттолкнулся от сидения и с радостным криком «Смотри, я лечу!» на мгновение завис в воздухе, чтобы спустя ещё миг оказаться в сильных и надёжных руках брата.

— Ты стал совсем большим, они-сан, — прошептал малыш, зарываясь в рубашку брата и Тацуя ответил ему взаимностью. Прижал крепче и уткнулся в пушистые волосы, зажмурившись, чтобы на несколько бесконечно счастливых секунд забыть всё плохое, но этот миг кончился и нужно открывать глаза. Переборов нежелание возвращаться в разрушенную реальность, Тацуя открыл глаза и так и замер. Вокруг шумела зелёная листва, и их детская площадка была целой, рядом с ней стоял большой дом, отчего-то очень похожий на их с Миюки. По щекам потекли слёзы.

— Ты поиграешь со мной?

— Конечно! — спустя пару минут Тацуя без малейшего зазрения совести строил из песка пирамиду, а младший, старательно сопя, подтаскивал в ведёрке песок. Когда сооружение было закончено, малыш задумчиво посмотрел в небо и внезапно выдал:

— Они-сан, ты обещал придумать мне имя! — «А ведь и правда обещал, — вспомнил Тацуя их крайнюю встречу. — И пусть имя придумала Миюки, это же не важно, правда?»

— Что думаешь на счёт Казуки? — малыш забавно склонил голову на бок.

— А что оно значит?

— Радостный мир. — Малыш сделал серьёзное лицо и кивнул.

— Мне нравится, я всегда рад, когда ты рядом.

— Я тоже, Казуки-тян.

В итоге игры затянулись до самого вечера и только когда малыш начал сонно зевать, практически засыпая на ходу, Тацуя аккуратно подхватил его на руки и отнёс в дом, к которому вела дорожка с детской площадки. На втором этаже, там, где в реальном доме была его собственная комната, обнаружилась детская. Малыш был выкупан, ибо игры в песочнице не прошли даром, после чего совершенно сонный был уложен в удобную постель. Не зная, что ещё он может сделать для брата, Тацуя подоткнул одеяло и пожелал спокойных снов. Малыш не хотел оставаться один, и Тацуе пришлось лечь рядом поверх одеяла. Когда он заснул он и сам не заметил, а проснулся в своей постели, и рядом была сестра. Она выглядела несколько обеспокоенной и явно только что проснулась. «Вот только что она делает в моей постели?»

— Доброе утро, они-сама, как ты себя чувствуешь?

— Эм, хорошо, а...

— Ты кричал во сне, — пояснила Миюки, — я пыталась тебя разбудить, но ты не просыпался, тогда я просто устроилась рядом и взяла тебя за руку. А потом ты вдруг улыбнулся и так и спал до утра с полуулыбкой. Ты знаешь, что смотришься в такой момент очень мило?

Тацуя ошоловело моргнул, а затем рассказал Миюки о том, что произошло на самом деле и что это точно был не сон. Миюки погрузилась, узнав о разрухе, устроенной вмешательством матери, но когда Тацуя рассказал о том, что теперь то место вновь стало живым и светлым, улыбнулась.

— Я всегда знала, что ты вовсе не разрушитель, как думает тётя, — улыбнулась Миюки и лёгкой походкой уплыла делать завтрак.

Так как была уже пора вставать Тацуя сделал зарядку, принял душ и, позавтракав, они направились в школу. Первые три урока прошли и каких-либо отклонений в своём состоянии Тацуя так и не заметил, хотя был очень внимателен, но на четвёртом уроке всё изменилось. На экране учебного терминала была схема стандартного CAD, но в мыслях внезапно возник вопрос: «А это что?». Тацуя удивлённо моргнул и, сам не понимая зачем, начал мысленно пояснять самому себе ответ, не понимая причины такой странности своего поведения.

«Всё равно непонятно, они-сан, а ты придёшь поиграть?»

<http://tl.rulate.ru/book/19086/392662>